

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

УДК 069.8

История каминного экрана из коллекции Всероссийского музея А. С. Пушкина

Ю. А. Зигерн-Корн¹, Е. В. Старинкова²

¹ Международный фонд Pushkin Legacy,

Российская Федерация, 191036, Санкт-Петербург, ул. Восстания, 3–5, литера А, офис 14-N

² Всероссийский музей А. С. Пушкина,

Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 12

Для цитирования: Зигерн-Корн Ю. А., Старинкова Е. В. 2018. История каминного экрана из коллекции Всероссийского музея А. С. Пушкина. *Вопросы музеологии*, 9 (2), 220–230. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.208>

Статья посвящена атрибуции сюжета вышивки каминного экрана из коллекции мебели Всероссийского музея А. С. Пушкина. Экран с вышивкой, изображающей двух девочек, передан в музей в 1960-е годы праправнуком Софьи Борисовны Вревской, последней хозяйки имения Тригорское Псковской губернии, где часто бывал А. С. Пушкин. Экран поступил в числе материалов, имеющих отношение к семействам Осиповых, Вревских, Вульфов, и долгое время играл в экспозиции роль типологического предмета мебели. Материалы семейного архива, в частности дневники баронессы Натальи Павловны Вревской, опубликованные В. Ф. и Т. М. Рожновыми, дают представление об атмосфере усадебной жизни, содержат подробное описание интерьеров поместий, расположенных недалеко от имения А. С. Пушкина Михайловское, и позволяют проследить историю многих реликвий, однако каминный экран в них не упоминается. Спустя 50 лет после приобретения этого экспоната Всероссийским музеем А. С. Пушкина (ВМП) был обнаружен изобразительный источник, послуживший основой создания вышивки для вставки в экран. Им оказалась гравюра Самуэля Казинса с картины Эдвина Ландсира «Дети маркизы Аберкорн». В середине XIX в. гравюры с картин знаменитых художников пользовались широкой популярностью, оттиски тиражировались и продавались лондонскими издателями, в частности издательство «Ходжесон и Грейвс» занималось репродуцированием произведений Эдвина Ландсира. Известно местонахождение трех оттисков с упомянутой картины. Сам портрет находится в родовом замке Аберкорнов Бэронс Корт в Северной Ирландии. Нынешний его владелец, 5-й герцог Аберкорн, женат на праправнучке А. С. Пушкина. Данные о взаимосвязи рода Гамильтонов

с потомками рода А. С. Пушкина обогатили провенанс экспоната и задали направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: каминный экран, атрибуция, источник, Самуэль Казинс, Эдвин Ландсир, Тригорское, Вревские, Пушкины, Гамильтон.

Внешняя статичность музейной экспозиции обманчива. Предметы, занявшие свои места в пространстве, играют роль источников информации, вступая с посетителем в диалог, исполняя функции своеобразной машины времени. Способность воспринимать послы, исходящие от экспонатов, зависит не только от общей культуры человека и умелого использования приемов подачи материала, но порой и от случайного стечения обстоятельств. При этом фразы «портреты заговорили» или «предметы заговорили» становятся буквальным выражением научной интерпретации музейного предмета. Выразительный экскурсионный рассказ не всегда охватывает все экспонаты: на первый план выступают мемориальные предметы со своей историей. Бытовые вещи часто остаются в тени и служат лишь фоном в общей исторической картине.

Каминный экран с вышивкой, изображающей часть комнаты и двух девочек (ил. 1), нашел свое место в экспозиции музея-квартиры А. С. Пушкина, в частности служит иллюстрацией присутствия в доме детей. В ряду материалов, имеющих отношение к семействам Осиповых, Вревских, Вульфов, он долгое время выполнял функцию типологического предмета мебели. Тем не менее у него есть и собствен-

Ил. 1. Каминный экран из Тригорского. 1830–1840-е гг. Красное дерево, резьба, вышивка шерстью, синелью. Всероссийский музей А. С. Пушкина

Ил. 2. Малинники. Гостиная. 1900-е гг. Позитив ч/б. Всероссийский музей А. С. Пушкина

ная история бытования, связанная с хозяевами имения Тригорское Псковской губернии, где часто бывал А. С. Пушкин.

Коллекция реликвий семейств Вревских-Вульф представлена во всех отделах фондов музея. Это живописные и графические семейные портреты Ивана Ивановича Вульфа (1776–1860), Евпраксии Николаевны Вульф (1809–1883), в замужестве Вревской, Алексея Николаевича Вульфа (1805–1881). Часть домашней коллекции Вревских — раскрашенные гравюры Уорда с оригинала английского художника Джоржа Морланда (1763–1804) — была передана Борисом Михайловичем Вревским в 1963 г.

Семейству Осиповых — Вревских — Вульф принадлежали имения Курово-Покровское, Павловское, Малинники, Берново (Тверская губерния), Голубово, Тригорское (Псковская губернии). Изображения усадеб хранятся в фонде живописи и в фонде документальной фотографии. Особенно интересны фотоснимки начала XX в., запечатлевшие гостиную и кабинет в Малинниках (ил. 2), комнаты дома в Голубово, на которых вполне узнаваемы предметы обстановки и картины.

Изобразительный ряд усиливается мемориями, сохранившимися до наших дней. В фонде декоративно-прикладного искусства хранятся ложка для жженки Е. Н. Вульф, печатка Вревских, столик письменный дамский, кресло из Тригорского, мебель из усадьбы Голубово и другие предметы убранства. Все эти реликвии в разные годы были переданы в Пушкинский Дом, позже, в 1954 и в 1963 гг., — во Всесоюзный музей А. С. Пушкина (ВМП). Это изобразительные материалы и предметы, принадлежавшие праправнуку Е. Н. Вульф-Вревской — Борису Михайловичу Вревскому.

Следует особо отметить состав закупочной комиссии Всесоюзного музея А. С. Пушкина в 1960-х годах. Председателем комиссии был директор музея М. М. Калаушин, среди ее членов значились научные сотрудники ВМП А. Ю. Вейс,

Н. И. Грановская, А. М. Мухина, секретарь Г. И. Назарова, В. М. Глинка. В качестве эксперта в комиссию входил П. Е. Корнилов — историк культуры, коллекционер, практик и знаток музейного дела. В числе предметов, поступивших в фонды ВМП, был и каминный экран. Мы попытались установить какой-либо след бытования этого предмета, опираясь на материалы семейного архива, которые были предоставлены прапраправнуком Евпраксии Вревской — Александром Борисовичем Вревским «в доверительное использование»¹ В. Ф. и Т. М. Рожновым, опубликовавшим дневники Н. П. Вревской².

В своем дневнике баронесса Наталья Павловна Вревская, жена внука Евпраксии Николаевны Вревской (урожденной Вульф), рассказывает о судьбе Софьи Борисовны Вревской (дочь барона Б. А. Вревского) и описывает устройство усадьбы Тригорское, где та жила с 1914 г. и «вплоть до 1918 г., начала нового лихолетья России, в котором сгорит не одна усадьба и не одна судьба»³.

Софья Борисовна Вревская родилась в 1839 г. в Санкт-Петербурге. Она была седьмым ребенком Евпраксии Николаевны и Бориса Александровича Вревских. Детство провела в имении родителей Голубово, затем окончила курс в Институте благородных девиц. Ей сужено будет стать последней владелицей села Тригорского Опочецкого уезда Псковской губернии. Она не была замужем — ее жених неожиданно скончался в санях по дороге в Голубово⁴. Софья Борисовна до конца жизни так и прожила в окружении родственников.

Имения Вревских, как и все, что было связано с прежней дворянской жизнью, новые власти распорядились уничтожить. Восьмидесятилетнюю Софью Борисовну удалось спасти. Ее вытащили из окна горящего дома, а затем отправили в Ригу, где она и умерла в 1920 г. «с родовым молитвенником в руках». Перед смертью она передала в Пушкинский Дом семейные реликвии, предметы, связанные с А. С. Пушкиным.

Так, описывая имение Голубово, баронесса Н. П. Вревская упоминает о маленьком томике романа «Евгений Онегин» в черном переплете, хранившемся в одном из ящичков шифоньерки. Глава IV с надписью «Твоя от твоих» была подарена поэтом Евпраксии Николаевне — матери Софьи Борисовны Вревской. Это издание хранится в Институте русской литературы (ИРЛИ РАН). В той же шифоньерке хранился «серебряный ковшичек, которым Евпраксия Николаевна разливала жженку в Тригорском, угощая Пушкина, А. Вульфа и Н. Языкова в незабвенное лето 1826 г.»⁵. Он еще при жизни С. Б. Вревской поступил в ИРЛИ, а затем, в 1953 г., был передан во Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

Имение Голубово, построенное в начале XIX в., находится в полуверсте от Врево: «Белый дом, двухэтажный, утопающий в зелени сада. Он светел, тепел и уютен. В прихожей вас сразу обдает особым запахом какого-то очень человеческого духа с примесью табака, керосина, прелого войлока и ваксы. Понятно, испокон веков в прихожей заправляют лампы, чистят обувь, сидят слуги»⁶.

¹ Рожнов, 2002. С. 238.

² Там же. С. 237–247.

³ Рожнов (публ.), 2002. С. 254.

⁴ Там же. С. 257.

⁵ Там же. С. 258.

⁶ Там же.

Свежо звучат воспоминания о жизни в имении: «Двери с красивыми медными ручками распахиваются в обширную столовую, приветливую и веселую, залитую светом, льющимся через высокие окна. Посередине развернут длинный стол, массивный буфет у стены, стулья, цветы перед высокими окнами. Тут совершались семейные трапезы, неизменно, в течение 50 с лишком лет совместной жизни и далее, в меньшем кругу лиц, до наших дней — 1918 г. Вправо от столовой — столь же большая гостиная. Вся мебель из красного дерева. Туркестанский ковер во весь пол глушит шаги. В комнате как-то строже. По стенам портреты. <...> По углам стоят мраморные бюсты А. С. Пушкина и А. А. Дельвига. Из гостиной дверь на балкон с 4 традиционными колоннами (дворянскими); открывается приятный вид на пруд, окруженный двумя аллеями: кленовой и дубовой, приводящими к беседке в стиле “ампир”. Ближе к дому — цветники — предмет особого внимания и любви хозяев. Весь сад насаждал Борис Александрович, любитель садоводства, не без участия А. С. Пушкина, который, по преданию, посадил несколько деревьев»⁷.

Фотографии Голубово начала 1890-х годов знакомят с обитателями дома и его обстановкой: «Дальше за гостиной — “угловая”, где больше всего любила сидеть Е. Н. Вревская на кресле или шезлонге. Комната квадратная, тоже светлая и уютная. В углу стоит фортепиано палисандрового дерева с бронзой, этажерка с книгами, кресла и стол с книгами»⁸. На фотографии угловой комнаты (ил. 3) отчетливо видны гравюры и несколько портретов на стенах. Среди них — портрет Байрона, подаренный Пушкиным в 1828 г. А. Н. Вульф (над шкафом), и портрет А. Н. Вульфа (справа у этажерки) работы Н. Шаде. В левом углу сидит в большом кресле с подножьем Павел Александрович Вревский, у окна на стуле расположился Юлий Михайлович Шокальский⁹. Справа от него — Светлана Николаевна Вревская. В центре на кушетке — Софья Борисовна Вревская. Справа от стола — Павла Борисовна Петропавловская и ее дочь.

В 1910-х годах Голубово перешло к Павлу Александровичу (1856–1917) — сыну Александра Борисовича Вревского. При нем в имении были произведены значительные преобразования. В своих дневниках Н. П. Вревская дает его портрет, отмечая его любовь к роскоши: «...уехал лечиться в Италию... Там он увлеклся искусством, сам учился рисовать, но особых успехов не достиг... Он строит дворец в киевском имении Светланы по своим чертежам и рисункам; заказывает мебель в Вене и Париже, разбивает сад...»¹⁰ Поселившись в зрелых годах в Голубово, англоман «Поль Вревский» перестраивает дом: «вместо старинного барского убранства появился английский “хом”»¹¹. Вероятно, его пристрастие к английской культуре отразилось и на составе семейной галереи — в доме было много английских гравюр, голландской живописи, которые, к счастью, сохранились стараниями потомков. В планы наследника входила перестройка и благоустройство имения. Престарелая родственница мешала новым хозяевам, поэтому Софья Борисовна приняла решение переехать в Тригорское, что в восемнадцати верстах от Голубово. Она взяла

⁷ Рожнов (публ.), 2002. С. 256.

⁸ Там же. С. 255–256.

⁹ Шокальский Юлий Михайлович (1856–1940) — русский ученый, океанограф, генерал-лейтенант, председатель РГО, внук А. П. Керн. Увлекался фотографией, и ряд снимков сделан именно им.

¹⁰ Рожнов (публ.), 2002.

¹¹ Там же.

Ил. 3. Голубово. Угловая комната. Начало 1890-х гг. Позитив ч/б. Всероссийский музей А. С. Пушкина

с собой «фамильную икону и еще кое-что из своей комнаты»¹², а также ковер, подаренный братом Александром Борисовичем.

В 1914 г. Софья Борисовна поселилась в половине того самого тригорского одноэтажного деревянного дома, в котором жила семья П. А. Осиповой-Вульф. Обстановка комнат сохранилась нетронутой: «В гостиной, на том же месте, стоит клавесин с пожелтевшими клавишами, на котором играли дочери П. А. Осиповой. Уцелели ноты, по которым они пели перед А. С. Пушкиным. <...> На одной из стен висят копии голландских мастеров восемнадцатого века. По семейным традициям говорили, что Александру Сергеевичу особенно нравилось “Искушение Св. Антония”»¹³. Две картины из Тригорского сейчас находятся в собрании ВМП: живопись на деревянной доске под названием «Деревенская сцена» и холст «Пастух и стадо». Они были приобретены ИРЛИ у Н. П. Вревской в 1935 г.

На обороте рамы последнего предмета имеется сургучный оттиск гербовой печати. Ни одно изображение гербов не соответствует изображению рода Вревских, Вындомских (Прасковья Александровна, урожденная Вындомская), Сердобиных (Михаил Николаевич Сердобин был сводным братом В. А. Вревского), Понафидиных (им принадлежало село Малинники, Берновской волости, Старицкого уезда), Храповицких (мать Павла Александровича Вревского была из этого рода). Существует предположение, что печать — своеобразный таможенный знак, который мог появиться при пересечении Российской границы, когда ввозили предметы.

Далее в дневниковых записях Н. П. Вревской продолжается описание гостиной Тригорского: «На другой стене — портреты Дельвига, Вяземского, Батюшкова,

¹² Рожнов (публ.), 2002.

¹³ Там же. С. 258.

Языкова, А. И. Тургенева, самого Пушкина и Байрона, портрет которого Александр Сергеевич подарил Анне Николаевне Вульф на память о совместном чтении Байрона на английском языке»¹⁴. Портрет в исторической окантовке и с автографом на оборотной стороне подложки П. А. Осиповой железно-галловыми чернилами: «Presentepar Alexandre / Pouchkine a Mlle / Annette Woulff / l'an 1828»¹⁵.

Упомянуты зеркала в простенках между окнами, под которыми на столике стоят мраморные с бронзой часы. Эти часы на мраморном основании в 1997 г. поступили в Пушкинский заповедник от потомков Вревских и сейчас экспонируются в Тригорском. В шкафах библиотеки Тригорского в начале XIX в. еще стояли книги, на полях которых Пушкин оставил отметки ногтем.

Обстановку Тригорского начала XX в. Н. П. Вревская описывает детально: «Вот кресло красного дерева с выцветшей обивкой, на котором сживал поэт, вот столик, за которым играли с ним в шахматы, а там ширмочки красного дерева, оклеенные вырезными картинками работы девочек Прасковьи Александровны. Столовая, самовар красной меди в форме урны, посуда — все сохранилось с тех лет. Все также несколько глухо бьют английские часы. А на оленьем рогу около входной двери висит зеленая тирольская шляпа поэта»¹⁶. К началу XX в. Тригорское уже находилось в запущенном состоянии, но Софью Борисовну навещали племянники. Однажды, гуляя по имению, они заглянули в амбар и обнаружили кровать Евпраксии Николаевны — это была «бывшая девичья кровать... со спинкой в форме лиры»¹⁷.

Ценность воспоминаний — в бытовых подробностях, которые важны для воссоздания атмосферы усадебной жизни и мемориальных интерьеров XIX в. «На окнах в Тригорском не вешали штор. Окна высокие, и всегда очень светло. Интересны ширмы красного дерева, оклеенные картинками, которые рисовала и вырезала Мария Ивановна Осипова, крестная мать Михаила Степановича, жившая всю жизнь в Тригорском»¹⁸.

Интересно описание еще одного имения — Александрово, заложенного Степаном Борисовичем Вревским. Его сын, Михаил Степанович Вревский, оставил обстановку комнат без изменений. В его кабинете «с огромным письменным столом, с боковым зеркалом, огромными глобусами земли и неба, с книжными шкафами до потолка, наполненными французскими книгами по истории, географии и путешествиям, любимым чтением деда в старости, строго сохраняется в неприкосновенности, как память о прошлом»¹⁹. В дневниковых записях Н. П. Вревской читаем: «В кабинете — огромное бюро с зеркальным шкафиком и письменным прибором “ампир”. Диван, кресло. У окна “вольтеровское” кресло, в котором проводил дни до глубокой старости дед Михаил Степанович, читая географические и исторические карты. В одном из шкафов — потайная дверь в спальню, с другой стороны — выход в зал. Высокие полукруглые окна закрыты внутренними ставнями. Вся мебель и рояль — в чехлах, в простенках окон зеркала, по углам — старинные голландские печи с нишами. На стенах — прекрасные акварели итальянских видов и фамильные

¹⁴ Рожнов (публ.), 2002. С. 263.

¹⁵ «В 1828 г. Александр Пушкин подарил мадмуазель Анетт Вульф» (фр.).

¹⁶ Рожнов (публ.), 2002. С. 263–264.

¹⁷ Рожнов, 2002. С. 242.

¹⁸ Там же. С. 242.

¹⁹ Там же. С. 245.

портреты... Самой живой комнатой оказалась столовая. Там над обеденным столом висят старинные лампы на коромысле. Длинная малиновая лента с вышитым бисером рисунком служит для звонка»²⁰. «Вечером в маленькой угловой комнате топится камин — уютно, тепло»²¹.

При чтении мемуаров все еще остается надежда, что вот-вот появится упоминание о каминном экране. Изобразительные материалы из собрания ВМП дают представление об убранстве имений Вульфов-Вревских, но, к сожалению, каминный экран на них не виден.

Чем же вызван такой интерес к этому предмету и что послужило импульсом к поискам сведений о нем?

В феврале 2018 г. английский аристократ лорд Клод Энтони Гамильтон с семьей посетил Всероссийский музей А. С. Пушкина. С именем Пушкина Гамильтонов связывают родственные узы: старший брат лорда Энтони, Джеймс, 5-й герцог Аберкорн, женат на праправнучке поэта Александре Анастасии, урожденной Филипс. Детство братьев прошло в фамильном замке Бэрнс Корт в Северной Ирландии, где бережно сохранялись старинные предметы обстановки, картины и гравюры.

Во время экскурсии по музею-квартире гостей ждало неожиданное открытие: в одной из комнат они в изумлении застыли перед каминным экраном с вышивкой, на которой были изображены две девочки в спальне. «Это тетя Харриет, а это тетя Беатрис! Откуда они здесь?» — воскликнула Анна, дочь лорда. Оказалось, что вышивка повторяет картину известного английского художника сэра Эдвина Ландсира «Дети маркизы Аберкорн» — портрет Харриет и Беатрис, дочерей 1-го герцога Аберкорн. Этот портрет и в настоящее время висит над камином в гостиной замка и никогда не покидал его пределы (ил. 4).

Так началось изучение истории каминного экрана и попытка проследить его «английский след».

В 1836 г. владельцы замка сэр Джеймс, 2-й маркиз Гамильтон, 10-й граф Аберкорн (в будущем 1-й герцог Аберкорн) и его жена Луиза Джейн, урожденная Рассел, заказали сэру Эдвину Генри Ландсиру (Sir Edwin Henry Landseer, 1802–1873), члену Королевской академии искусств, придворному художнику королевы Виктории, портрет двух своих старших дочерей: Харриет (1834–1913) — леди Харриет Джорджиана Луиза Гамильтон, в замужестве графиня Личфилд (Lichfield) и Беатрис (1835–1875) — леди Беатрис Френсис Гамильтон, в замужестве графиня Дурам (Durham). На картине изображены две девочки в спальне: одна из них лежит в колыбели, другая сидит рядом, прижав к себе щенка спаниеля и глядя большую собаку, лежащую на полу (размеры картины: 137,15 × 142,22 см).

Сэр Эдвин Ландсир был не только знаменитым и успешным живописцем, но и скульптором. Его самая известная работа — скульптуры бронзовых львов на Трафальгарской площади в Лондоне. Но подлинную славу ему принесли сентиментально-романтические портреты знатных особ в домашней обстановке и в окружении животных. Портрет детей маркизы Аберкорн считается одной из его лучших работ в этом жанре.

В 1838 г. талантливый гравер Самуэль Казинс (Samuel Cousins) (1801–1887) сделал гравюру (53,5 × 49 см) с картины Ландсира (ил. 5). Казинс прославился благо-

²⁰ Рожнов (публ.), 2002. С. 245.

²¹ Там же. С. 246.

Ил. 4. Эдвин Ландсир (1802–1873). Дети маркизы Аберкорн. 1836. Холст, масло. Собственность семьи Гамильтонов, герцогов Аберкорн

Ил. 5. Самуэль Казинс (1801–1887). Гравюра с картины Эдвина Ландсира «Дети маркизы Аберкорн». 1838. Коллекция Британского музея

даря своей превосходной технике меццо-тинто, точечной пунктирной гравировки и травления. Одним из первых он стал выполнять гравюры не на медных, а на стальных пластинах, что улучшало их качество и увеличивало число возможных оттисков. Он создал множество гравюр по живописным произведениям Эдвина Ландсира, Томаса Лоуренса, Джона Милле и Джошуа Рейнольдса.

В середине XIX в. гравюры с картин знаменитых художников были необыкновенно популярны. Оттиски публиковались и продавались в лондонских издательствах. В 1838 г. успешный издатель и торговец Генри Грейвс (Henry Graves) в партнерстве с Ричардом Ходжесоном (Richard Hodgson) опубликовали гравюру Казинса. Можно сказать, что Грейвс посвятил свою карьеру репродукции произведений Эдвина Ландсира. Часто он сам привлекал известных граверов к репродукции его картин и заплатил самому художнику 50 000 ф. ст. за авторские права.

Один из оттисков гравюры, опубликованных в издательстве «Ходжесон и Грейвс», находится в коллекции Британского музея. Под гравюрой подпись с посвящением маркизе от издателя, название, подробности ее изготовления, а также информация от издателя: «Лондон. Опубликовано 1 июня 1838 г. издательством “Ходжесон и Грейвс”, торговцами принтами по специальному назначению Ее Величества, улица Полл Молл, дом 6». Другой оттиск хранится в семейном собрании Гамильтонов (у брата сэра Джеймса — Энтони Гамильтона). Еще один — в коллекции Национального Фонда Великобритании в поместье Бликлинг-холл, Норфолк. При сравнении изображения на картине и гравюре (в деталях композиции, расположении предметов, прорисовке окна имеются отличия), становится очевидным, что вышивка сделана с гравюры или же гравюра послужила основой для образцов вышивок, выпускавшихся отдельными изданиями.

Таким образом, провенанс каминного экрана обогатился данными, которые объединяют тригорскую реликвию с английским родом Гамильтонов, породнившимся с потомком рода А. С. Пушкина. Пути изучения каминного экрана из Тригорского обозначены: предстоит выяснить автора вышивки, место ее создания и новые факты в истории бытования экрана.

Литература

- Рожнов В. Ф. (публ.). 2002. Дневник баронессы Н. П. Вревской (фрагменты). По материалам семейного архива Вревских. *Временник Пушкинской комиссии. Вып. 28*. СПб. С. 249–270.
- Рожнов В. Ф. 2002. Имение потомков Вревских Косорымы близ Тригорского. *Пушкинский музей. Альманах. Вып. 3*. СПб.: Дорн: С. 237–247.

Статья поступила в редакцию 13 мая 2018 г.;
рекомендована в печать 20 июня 2018 г.

Контактная информация:

Зигерн-Корн Юлия Александровна — координатор; korn.julia2@gmail.com

Старинкова Елена Валентиновна — хранитель фонда декоративно-прикладного искусства, канд. культурологии; estarin@mail.ru

History of the fireplace screen from the collection of the National Pushkin Museum

Yu. A. Zigern-Korn¹, Ye. V. Starinkova²

¹ Pushkin Legacy International Fund,

3–5, block A, office 14-N, ul. Vosstaniya, St. Petersburg, 191036, Russian Federation

² National Pushkin Museum,

12, nab. r. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

For citation: Zigern-Korn Yu. A., Starinkova Ye. V. 2018. History of the fireplace screen from the collection of the National Pushkin Museum. *The Problems of Museology*, 9 (2), 220–230.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.208> (In Russian)

The article is devoted to the attribution of the embroidery theme of the fireplace screen from the furniture collection of the National Pushkin Museum. The fireplace screen with the embroidery depicting two girls in the nursery is displayed at the exposition of the Pushkin Apartment Museum and serves to illustrate the presence of children in this house. Nevertheless, the object has its provenance which is associated with the names of the Trigorsskoye estate owners: the Osipov, the Vrevsky and the Wulf families. Trigorsskoye estate in the Pskov Region was often visited by Alexander Pushkin. In 1960s the relics came to the possession of the National Pushkin Museum. Amongst other materials related to these families, the fireplace screen for a long time was regarded as a typological piece of furniture in the museum exposition. Fifty years new information became available. The original image was discovered that served as a source for creating the embroidery inserted into the screen: the engraving by Samuel Cousins after Edwin Landseer's painting "The Children of the Marquise of Abercorn" — portrait of Harriet and Beatrice, the daughters of Marquis James Hamilton, 1st Duke of Abercorn. This painting is now hanging over the fireplace in the living room of the Abercorn castle in Northern Ireland and has never left its limits. In the middle of the 21st century engravings from paintings by famous artists were extremely popular. Prints were published and sold in the London stores. It can be assumed that the embroidery of the fireplace screen was made from an engraving, or the engraving itself served as the basis for embroidery samples published as separate editions. The provenance of the screen was enriched with data that unites Trigorsskoye relic with the English ducal Hamilton-Abercorn family, which became related to Pushkin's descendants.

Keywords: fire screen, attribution, source, Samuel Cousins, Edwin Landseer, Trigorsskoye, the Vrevskies, the Pushkins, Hamilton.

References

- Rozhnov V.F. (Publ.). 2002. Dnevnik baronessy N.P.Vrevskoy (fragments). Po materialam semejnogo arkhiva Vrevskikh [Diary of the Baroness N.P. Vrevsky (extracts). Based on the materials of the Vrevsky family archive]. *Vremennik Pushkinskoy komissii*. Issue 28. St. Petersburg: 249–270. (In Russian).
- Rozhnov V.F. 2002. Imenie potomkov Vrevskikh Kosorymy bliz Trigorsskogo [The estate of the Vrevsky descendants Kosorymy near Trigorsskoye]. *Pushkinsky Museum Almanac*. Issue 3. St. Petersburg: Dorn Publ: 237–247. (In Russian).

Received: May 13, 2018

Accepted: June 20, 2018

Author's information:

Yulia A. Zigern-Korn — coordinator; korn.julia2@gmail.com;

Yelena V. Starinkova — PhD in Culturology, Curator; estarin@mail.ru